

СОЦІАЛЬНА ФІЛОСОФІЯ

УДК 351.85 (477)

А.А. Азаркова

Макеевский экономико-гуманитарный институт, Украина

«ГОРОДСКОЙ ДВОР»: СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПОЭТИКА ЛОКУСА (К ИЗУЧЕНИЮ ГРАНЕЙ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ)

В статье исследуются некоторые аспекты феномена городского двора как особой территориально-пространственной и социальной общности, его роль в культурной жизни горожан. Затрагиваются особенности мифосимволической интерпретации феномена в разных исторических системах. Городской двор рассматривается в контексте кризиса и трансформации культурной идентичности на современном этапе.

Ключевые слова: локус, культурная идентичность, социокультурное значение, пространство.

Мой маленький дворик,
Ты очень мне дорог,
Я по тебе буду скучать...
(Из популярной советской песни)

Проблема поиска и осмысления культурной аутентичности, важной частью которой выступает и городская, неизменно сохраняет свою актуальность в отечественной и зарубежной научной мысли [1-4], будучи обусловленной современными глобалистскими тенденциями и усиливающейся интенсификацией социокультурных контактов.

Неслучайно поэтому образ города как сложный пространственно-символический и историко-культурный феномен остается в кругу разнопланового анализа (социологического, психологического, культурологического и пр.), лишь высвечивая со временем все новые свои исследовательские грани [5-10].

Изучение «телосложения» и микротопики города в контексте индивидуального и коллективного восприятия делает существенно значимым и показательным каждый его внутренний сегмент. В конечном счете, это позволяет увидеть исторические, поколенческие и культурно-идеологические особенности и метаморфозы восприятия человеком своего бытия. С изменением роли этих привычных жизненных констант городской жизни все более проблемным оказывается самоощущение человеком своей укорененности в мире («дух места»). Это тем более важно, что в современной урбанистической, информационно-глобализируемой технокультурной среде города претерпевают существенные изменения многие важные звенья городского пространства (в контексте утверждения формализованных, опосредованно-поверхностных, обезличенных форм коммуникации).

Среди этих сегментов и констант отечественного городского пространства и бытия давно отвоевал свое особое место такой небольшой, незаметный жизненный мирок, как городской двор. Интерес к этой малозаметной стороне городского социокультурного пространства стал активно проявляться в последнее время [11-12], особенно актуализируя социологические аспекты. И все же данная тема, на наш взгляд, нуждается в дальнейшей разработке, особенно культурологических граней исследования феномена.

Поэтому **цель данной статьи** – рассмотрение социокультурной и символической роли городского двора в едином городском пространстве в контексте осмысления граней и уровней культурной идентичности. В фокусе предпринимаемых культурологических наблюдений – семантика двора в разных исторических системах.

Наверное, трудно найти столь полисемантическое явление, как двор, присутствующий во всех гранях жизненного бытия человека (двор аристократический и мужицкий, столичный и провинциальный, городской и сельский, школьный и храмовый и пр.), фиксируя и обозначая определенную, устойчивую, компактную социально-территориальную общность. Двор, подворотня, задворки... – наверное, ни в одном другом этнокультурном контексте нет такого языкового богатства.

Казалось бы, вовсе не городские дворы с их «изнаночной» стороной жизни создают особый, неповторимый образ, культурный профиль и духовно-пространственный силуэт города, традиционно образуемый системой улиц, площадей, проспектов, исторических памятников и учреждений культуры. Пространственно-территориальная среда городского двора только кажется чем-то неочевидным и незначительным. Действительно, тотальный «евроремонт» отечественных городов на современном этапе с традиционным набором архитектурных элементов серийного «хай-тэка», подобно «пластической хирургии» обезличивающий их индивидуальные образы, сочетается с уже привычной непрезентабельностью городских дворишков, не предназначенных для сторонних глаз.

В известной работе Д. Линча «Образ города» [5], среди выделенных им важнейших элементов городского пространственного ландшафта («пути», «границы», «узлы», «ориентиры», «районы»), двора, конечно нет. Городской двор, вообще прежде всего особый социокультурный феномен именно отечественной культуры.

Изучение поэтики городского двора позволяет лучше понять бытие повседневного, срединного слоя городской среды. Образы городского двора не в последнюю очередь вплетают свои узоры в единую ткань городской культурной идентичности. Городской двор ассоциируется со стабильностью и преемственностью жизни («все, как раньше»). Но он же становится и своеобразным мерилем происходящих перемен («уже все не так»). Для разных поколений и возрастных групп образ своего двора связан или с проекцией в собственное (часто идеализируемое) прошлое, или в моделируемое будущее. Однако его восприятие местными обитателями вряд ли могло быть нейтральным, скорее эмоционально нагруженным.

Образ двора, как и города, – единство субъективного и объективного, он многолик, способен меняться в восприятии горожанина с возрастом, опытом, глубоко зависим и от историко-культурной среды, и от индивидуальной культуры человека. Создается удивительное многозвучие взаимодействующих городских социокультурных контекстов, придающих неповторимое лицо каждой городской культуре. Образ *малой Родины* всегда многослоен (регион, край, город, поселок) как воплощение обжитого, укорененного жизненного пространства. Наверное, самым малым звеном в этой концентрической системе *родных локусов* оказывается именно городской двор как отправная и итоговая веха в жизненном пути горожанина. Пространство городского двора образует внутренне замкнутую, локальную среду, особый жизненный микромир, невольно соединяющий очень разные судьбы («наш двор», «родной двор» и пр.).

Занимая свое особое место в ряду знаковых пространственных элементов в образе города (дом, улица, сквер, бульвар и т.п.), образ городского двора (дворика) исторически создавал свою любопытную главу художественного *градоречия*, своей особой поэтики. Образ двора (равно как и знаковая, колоритная фигура местного дворника) активно присутствует в отечественной классике, нередко «играет» свою самостоятельную роль. Двор становился объектом художественной интерпретации как в изобразительном искусстве (вроде знаменитого поленовского «Дворика»), так и в кругу литературных рефлексий. В последнем случае порой возникает какая-то особая метафизика этого образа, нередко интонируемого едва ли не как «живое существо». Как отражение бытовой жизненной сферы весьма показательным доминированием в его интерпретации скорее снисходительно-насмешливого, добродушного модуса, лишённого всякого пафоса.

Не секрет, что жизнь горожанина протекает в пространственных перемещениях от малого к большому локусу и наоборот (квартира, дом, двор, улица, район, город). Как уже не раз отмечалось, городскому сознанию свойственна постоянная перестройка в меняющемся мире, дифференциация и усложнение пространства. Наш глаз вообще от природы ищет работы, а не скольжения. В. Коган отмечал, что «для города важно поддерживать более четкую структурную дифференциацию и индивидуальную обособленность внутренних пространств», делать их «соразмерными человеку и его реальным потребностям» [6, с. 152].

Двор – древнейший пространственно-культурный топоним в кругу жизненного существования человека, формирующийся и трансформирующийся вместе со становлением этносов и этнических культур. Образ и роль двора как особого придомового пространства в каждой этнокультуре складывается в соответствии с местными традициями, образом жизни, менталитетом как своеобразная форма освоения (окультуривания) данного жизненного пространства. Кроме того, каждый исторически новый тип культуры выдвигал его определенную модель (со своими функциональными, социальными и эстетическими задачами). Среди последних – античный перистильный двор, изящный мавританский дворик, открытый, просторный двор эпохи Ренессанса. В каждой этнокультуре при всех неизбежных переменах исторически воссоздаются свои сложившиеся архитектурно-ландшафтные особенности пространственной архитектоники двора как отражение специфической социальной микросистемы, а в известной мере и общепринятого и узаконенного силой многолетней привычки жизненного стиля.

В советском (конструктивистском) городском ландшафте, когда дома строились однообразными крупными кварталами, в основном в периферийных районах, решались свои прагматические утилитарные задачи. «Здоровая рационалистичность» и обезличенная «демократичность» в планировке жилых кварталов приобретала геометрический характер. Жилые дома (повышенной этажности), появляясь вместо прежних традиционных улочек и тупичков, застроенных низкими домишками, чаще всего располагались параллельными рядами, что позволяло упростить и механизировать строительство. Семантика городского двора проявлялась в новом идеологическом контексте. Внутриквартальное пространство должно было реализовывать «рожденную революцией» коллективистскую идею «агитплощадок» (для общих собраний жильцов). Между тем реальное бытие включало свою логику жизненного обустройства, которое происходило как бы вопреки задаваемому обезличиванию городского ландшафта.

Вместе с изменением форм бытия человека изменялась роль и социокультурная семантика двора как особого пространственного локуса: от предельной одомашненности сельско-патриархальных жизненных реалий до более сложных, полифункциональных форм в городских условиях.

Понятно, что в контексте городской или сельской пространственно-культурной среды семантика двора существенно различна. Так, в славянской мифопоэтике она изначально была связана с пограничной ситуацией «своего-чужого» мира. Эта архетипическая семантика отчасти сохраняется и в городском контексте. В образе городского двора заложена своеобразная семантическая двойственность. Как своеобразная смена тональности в нем периодически актуализировались то мотивы надежности и безопасности привычного места (днем), то внешней опасности пространственного перехода-возвращения, непредсказуемости и тревожных ожиданий (ночью). «Чужой» же двор редко воспринимался как простое пространственное перемещение и переживался более-менее эмоционально, невольно напрягая «пришельца», чужака.

В городе символическими значениями наделяются все составляющие пространственного целого: улица ли это как воплощение открытой соединительной артерии или перекресток как знак выбора и опасности. Городской двор в этой связи должен был стать

местом достаточно размеренного (обывовленного) существования, своеобразный «оазис» покоя, привычного, в контексте которого меняется ритм (темп) жизни, эмоциональная палитра, становясь более естественной и раскрепощенной. В современном нам значении общественный двор – порождение именно города. Его внутренняя социальная жизнь предстает как своеобразная борьба человека с «адищем города» (В. Маяковский), с неизменно атомизирующимся существованием людей. Городской двор образует какую-то особую переходную форму между сельским и городским бытом (особенно у соотечественников с их сохраняющимся принципиально сельским менталитетом).

Известно, что горожане в своем стиле жизни психологически несут отпечаток той пространственной среды, которая их окружает: «мы создаем города, а потом города создают нас». Наверное, в известной мере это может быть отнесено и к мифопоэтике городского двора.

В отличие от принципиально открытых городских пространств (вроде городской площади как места аккумуляции колоссальной социальной энергии и формирования чувства сопричастности с важнейшими, нередко драматическими историческими событиями), где человек – элемент единого людского потока, двор естественным образом принципиально скругляет нарочито правильную геометризovanность городского пространства. Городской двор в отечественной культуре как малый внутригородской топоместо по-своему решает задачу «квадратуры круга», создавая иллюзию закрытого, своего «окруженного пространства».

В отечественной культуре городской двор – ближайший территориально-пространственный жизненный круг человеческого бытия, более-менее значимая точка опоры. В отличие от отечественной, в традиционной западной культуре двор, дворик – это всегда отражение сугубо частного, приватного существования (с достаточно официальными визитами к соседям). Жизнь городского двора как-то естественно, стихийно и буднично становится особой формой консервации культурных традиций, их временной проверки на прочность.

В традиционном понимании жизнь городского двора выстраивается как определенное звено в устойчивом временном цикле (рабочее время – свободное время), вклиниваясь своеобразным переходом между областью сугубо личного, домашнего (квартирного) бытия и общественно-служебного, профессионально-делового. В контексте городского двора складывались свои формы коллективного времяпрепровождения («субботники», «акции протеста», социально-знаковые жизненные ритуалы и обряды, «где встречаются и провожают всем двором...»). Местные культурные обычаи формируются здесь стихийно, как оказавшиеся наиболее приемлемыми и взаимополезными для дворового социума.

В сознании «городских дворян» создается и эстетический образ *своего двора*, в котором сочетаются местные природно-ландшафтные и техногенные объекты. Вместе с тем периодически переформатируется соотношение привычного, традиционного и нового (гармония: «согласное несогласного»), неизбежно вторгающегося в его устоявшийся мир. Всякие неожиданные вторжения *чужих* извне, всякие попытки посягательств на свой обжитой дворовой мирок (с намерением что-то встроить, убрать и т.п.) чаще вызвали лишь негативную ответную реакцию.

Городской двор также создает свою собственную историю, мифологию, свое прошлое и настоящее, свои временные, межпоколенческие «годовые кольца» – напластования. Исторически складывается и свой хронотоп бытия городского двора, локальная мифопоэтика, символика (старая скамейка, детская карусель, деревья-старожилы и пр.). Образ двора – это в известной мере проекция образа города в целом (вспомнить хотя бы мрачно-торжественные питерские дворы-«колодцы» или шумные одесские дворы и пр.).

Двор стягивает на себя, локализует, обустроивает внешний мир. Нередко в нем (так же, как и в традиционном доме) центрирует общий стол, фонарь. Общую целостность дополняют гаражные и прочие (нередко – самодельные) хозпостройки, детская площадка, цветочные клумбы и т.п. Оформляется свой излюбленный «пятачок» и свои «задворки». В микротопике городского двора структурируются внутренние границы, оформляются свои места «молодежных зон» и «стариковских посиделок». Как особое жизненное пространство городской двор отражает принципиально низовой, бытовой план культуры и связан с удовлетворением по преимуществу досугово-рекреативных потребностей.

Городской двор хорошо иллюстрирует постоянную смену (и конфликты) поколений, устойчивое и преходящее в городской бытовой культуре. Изменение исторического образа культуры отражалось на изменении роли и образа городского дворика. Так, наивная романтизация советской, особенно послевоенной поры с ее культом дружбы и солидарности сменится деромантизацией постсоветского этапа, когда городской дворовой быт несет уже все приметы социально-имущественного расслоения и обособленного статусно-«престижного» существования, столь свойственного современному «обществу потребления». Образ городского двора исторически вбирает разновременные культурно-информационные напластования и способность иных смысловых интерпретаций.

Исследователями уже не раз отмечались особенности городского двора как социальной общности, как определенной «модели общества» [12, с. 577]. Действительно, дворовой микромир образует особую социокультурную среду со своими знаковыми персонажами местного значения, своим «пантеоном героев» (и антигероев), «старожилов» и «новичков», местных *своих* «дурачков», своими локальными традициями и ритуалами. Дворовой социум неизбежно структурирует свою местную «элиту», интеллигенцию, рабочий класс и пр. Здесь невольно сосуществуют, взаимодействуют и борются разные городские общности со своими культурными мирами. Городской двор в значительной степени делает явленной частную жизнь своих обитателей (к кому-то приехала скорая, у кого-то побывала милиция и пр.).

Итак, городской двор всегда по большей мере обнажает характерный срез социальной стратификации данного городского социума. Двор неизбежно воссоздает определенную социальную микросреду с многообразием возрастных, профессиональных, конфессиональных семейно-бытовых традиций. Как значимая городская социально-территориальная ячейка двор также формирует свое местное устойчивое «ядро», от имени которого выносятся солидарная оценка, озвучиваются коллективные вкусы, оформляются нормы, стереотипы и представления. В контексте отечественной культурной идентичности (с ее традиционным сельским, общинно-коллективным сознанием) роль городского двора была особо значима. Город (и двор как его важная составляющая) порождает чрезвычайно насыщенное и напряженное поле пересечения социальных отношений и социокультурных (субкультурных) дифференциаций.

Именно в рамках городского двора естественно-стихийно, буднично происходит возрастная смена уровней социализации, когда постоянно скрещиваются разные жизненные судьбы, разный жизненный опыт. Включение в социальный мир городского двора предполагает известную (опосредованную) инициацию (посвящение), что означает «быть принятым в свою среду» или остаться в ней «чужаком». Возникающая порой нарочитая дистанцированность отдельных его обитателей, попытки принципиальной закрытости своего личного существования от общего течения дворовой жизни (в традиционном значении) никогда особенно не приветствовались.

Дворовая социализация – вообще значимый уровень социальной адаптации горожан, благодаря чему происходит естественно-жизетское включение своего, лично (семейно) биографического жизненного хронотопа в общегородское целое. Городской социум

особо нуждается в наличии малых территориально-пространственных ойкумен, где естественно и органично присутствуют и взаимодействуют разные социокультурные диалекты (субдиалекты).

В советский период городской двор подвергался активной мифопоэтизации в контексте господствовавших идеологием коллективизма, социалистического общежития и нравственно-политического воспитания (образы «дружной семьи народов» в системе разных граней Родины: страна – регион – город – двор). Таковы многие песни («А у нас во дворе...»), «Мальчишки с нашего двора...» и пр.), стихи, анекдоты, мизансцены литературно-поэтических, театральных и кинематографических художественных действий. Городской низовой фольклор в значительной степени представлен именно дворовым репертуаром (былички, «телеги», молодежный «дворовой» песенный фонд, гитарный лирический репертуар и пр.).

Советский двор – естественный носитель городской мультикультурности, зачастую – первый рубеж, уровень городской культурной адаптации, в отличие от западных городских этнокультурных анклавов. Монокультура, моностилистика официального советского бытия в социокультурном контексте дворового городского быта существенно снижала свой идеологический градус, оказываясь в регистрах народно-смеховой городской культуры, анекдотов и баек. Двор своеобразно адаптировал сигналы «внешнего мира», выполняя роль социокультурного ретранслятора (эмоционально приглушая одну информацию и усиливая другую). Роль двора была особо значима именно как своеобразной «артерии» между официальным и низовым планом в городской культуре.

Не секрет, что в настоящее время двор как внутригородская пространственно-территориальная единица утрачивает свое прежнее значение, иллюстрируя усиливающийся вакуум живого коллективного общения, все более обретающего опосредованный, функционально-ролевой смысл. «Городских дворян» объединяют (и то лишь ситуативно) скорее общие коммунальные неурядицы. Социальное расслоение поляризует и сами образы городских дворов от «элитных» («премиум-класса») до «простых» («совковых»). Все более «обуржуазивающийся» быт современного горожанина становится в формате ценностных приоритетов «потребительского общества» приватным, закрытым, порождая дальнейшее одомашнивание досуга и глубокую индифферентность к происходящему за собственной квартирной дверью.

В условиях же происходящего в отечественной культуре кризиса («перезагрузки») идентичности двор, формально сохраняясь в топике и бытовой повседневности городской ойкумены, все же уже оказывается не способным нести прежнюю смысловую нагрузку как ментально значимый феномен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шеманов А.Ю. Самоидентификация человека и культура / Шеманов А.Ю. – М.: Академический проект, 2007.
2. Giddens A. *Modernity and Self-Identity* / Giddens A. – Stanford (Cal), 1991.
3. Малехов В.С. Неудобства с идентичностью / В.С. Малехов // Вопросы философии. – 1994. – № 2.
4. Хёсле В. Кризисы индивидуальной и коллективной идентичности / В. Хёсле // Вопросы философии. – 1994. – № 10.
5. Линч К. Образ города / Линч К. – М., 1982.
6. Коган Л.Б. Быть горожанами / Коган Л.Б. – М.: Мысль, 1990.
7. Карпов А.Е. Различения. Пространство в городе / А.Е. Карпов // Социологическое обозрение. – 2001. – № 2.
8. Матяш С. Человек в городе: социологические очерки / Матяш С. – Киев, 1990.
9. Стародубцева Л. Город как метафора урбанизируемого сознания / Л. Стародубцева // Урбанизация в формировании социокультурного пространства. – М., 1999.

10. Амин Э. Внятность повседневного города / Э. Амин, Н. Трифт ; [пер. С.П. Баньковской] // Логос. – 2002. – № 3-4.
11. Тиняева Н.В. Двор как феномен городской среды / Н. Тиняева // Архитектура и современные информационные технологии. – 2012. – 32. – С. 1-15.
12. Петренко-Лисак А.О. Простір двору і вулиці в соціальному просторі міста як об'єкти соціології / А. Петренко-Лисак // Сучасні суспільні проблеми у вимірі соціології управління. – Д., 2013. – Т. XIV. – Серія «Соціологія». – Вип. 258.

Г.О. Агаркова

«Міський двір»: соціокультурна поетика локусу (до вивчення граней культурної ідентичності)

У роботі досліджуються певні аспекти феномену міського двора як особливої територіально-просторової і соціальної спільноти, його роль у культурному житті вітчизняних городян. Міський двір розглядається в контексті кризи та трансформації культурної ідентичності на сучасному історичному етапі.

Ключові слова: локус, культурна ідентичність, соціокультурне значення, простір.

А. А. Agarkova

«Town court»: the social-cultural poetic of the locus (for learning of the Problem the Cultural Identity)

Some aspects of the phenomenon of town court, territorial and spatial integrity, its role in cultural life of modern domestic city dwellers are examined in the article. The value of town court in the context of crisis and transformation of cultural identity on the current cultural and historical stage is marked.

Стаття поступила в редакцію 14.02.2013.